

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ

НАШ ПЕРВЫЙ КРАЕВЕД

Он был священником. Писать о нем как о передовом человеке не полагалось. Духовное сословие однозначно считалось силой реакционной, помогавшей господствующему классу угнетать народ. Но времена изменились. Пора сказать доброе слово и о ныне забытом человеке духовного звания, сделавшем много полезного для Кольского Севера.

Приезд на Кольскую землю

ГЕОРГИЙ КИРИЛЛОВИЧ ТЕРЕНТИЕВ родился 20 апреля 1823 года в Архангельском уезде, в семье дьячка. В двадцать лет он окончил «курс философских наук» Архангельской духовной семинарии и был определен псаломщиком в Турчасовский приход Онежского уезда, где прослужил до 1850 года. Затем после краткого пребывания в селе Заостров Архангельского уезда стал дьяконом Мезенского собора. 6 июля 1852 года Г. К. Терентьев был рукоположен в священники и служил в селе Кые Мезенского уезда, в 1860 году — в селе Уне Архангельского уезда, потом недолго — в селе Чухченеме Пинежского уезда. В сентябре 1861 года он получил назначение в Нотозерский лопарский погост Кольского благочиния.

В Лапландию служители церкви обычно ехали неохотно — слишком неблагоприятна и глуха была жизнь вдали от русского Поморья — и стремились при первой возможности перебраться в людные места с оживленной торговлей и развлечениями.

Вероятно, и Г. К. Терентьев ехал в неведомое Нотозеро не без волнения и тревоги.

О своей двухмесячной поездке (пароходов еще не было на Севере) из Архангельска в Колу он рассказывал в статье «Путевые приключения». В ней речь идет не столько о приключениях, сколько о состоянии края. Изучение Севера Г. К. Терентьев начал во время пребывания в Мезенско-Печорском регионе, о чем свидетельствует опубликованный им в 1860 году очерк «Сельский быт и промышленность пустозеров». Его занимают вопросы использования природных богатств для поднятия благосостояния жителей Севера. По пути он замечает в порядке и уклад жизни поморских селений, приводит сведения о промыслах и торговле, делает зарисовки быта, дает описание встреч с некоторыми людьми.

В деревне Порья Губа, состоявшей из 15 дворов и приписанной к Умбской церкви, он беседовал с пройдохой-врачевателем. «Зашел ко мне, — пишет Г. К. Терентьев, — в рубище и с костью дряхлый старик Бекетов, высокого роста, тончайший, со скорченной ногой в колене, слышущий по Терскому берегу за главного знахаря. Он наставлял мне много необычных и небывалых чудес о знакомстве своем с нечистыми духами, как он их словом и делом отводит от людей, одержимых ими; об исцелении всяких болезней у людей и скота наговором слов; об отводе из рек и промысловых урочищ семги, если кто осердит Бекетова; об своем удалстве от молодости, как бегством избавился от рекрутства и вместе с лешачихами ночевал в лесных избушках, и многого другого. Желая поближе познакомиться со стариком, во время рассказов я ни в чем не прекословил ему, только после всех рассказов заметил ему, что все это обман и тяжкий грех пе-

ред Богом. «О, батюшко, рад делать всякому добро, да ведь у меня и слова-то все Божьи; рассказываю всем об этом. Да у меня вот и бережь есть». — «Какая бережь?» — «Да вот видишь». (В это время он снял с груди медный крест, нижняя сторона коего вся была испачкана.) — «А что это такое?» — «Воск, батюшко, воск со словами, которого нечистый боится». — «А бывал ли ты, старик, на исповеди?» — «Как же, батюшко, бывал». Тогда старик мой сделался пасмурен, прекратил со мной задушевную беседу, вскоре пошел и более ко мне не являлся, несмотря на мое приглашение приходить ко мне и побеседовать о былом».

Проезжая через Кандалакшу, Г. К. Терентьев отметил, что селение после разорения англичанами в 1855 году «не совсем еще обстроилось, но некоторые из крестьян имеют морские суда и живут зажиточно».

В пути через Лапландию, на Имандре, пишет священник, «мы были застигнуты сильною непогодой с мятелью... не могли добраться до избушки и принуждены были провести зимнюю ночь при огне под елкой... Из Кандалакши я проехал целую неделю и прибыл в Колу 24 ноября» (1861 г.).

Во время Крымской войны, в августе 1854 года, Кола отказалась сдать англичанам и подверглась артиллерийскому обстрелу, почти вся выгорела. Уездные учреждения после этого были переведены в Кемь. Столица Лапландии захирела. Колчане жили бедно. «Заштатный город Кола, — передает свое впечатление Г. К. Терентьев, — малолюден и не обширен: в нем дороговизна во всем и на все. По сожжению неприятелем, лишенный всего, — даже не имеет в себе корреспонденции (почты), которая необходима здесь для каждого, особенно для торгующего сословия».

Всякий раз, публикуя свои заметки и статьи, Г. К. Терентьев обращает внимание губернского начальства на нужды края.

Десять лет в Нотозере

ЛОПАРИ, жившие по реке Туломе, приняли христианство еще в 1532 году. Их крестил тогда проповедник Феодорит — известный духовный деятель Севера. Нотозерский погост входил в приход Кольской Воскресенской церкви. По описанию 1785 года, в погосте проживало 111 лопарей обоего пола. Все они хорошо знали русский язык, постоянно общались с Колой, куда продавали добытую ими пушнину и семгу, а покупали все, что требовалось им в лесотундре, — металлические изделия, ткани, пряжу для сетей, ржаную муку и т. п.

Лопари вели полукочевую жизнь: весной разъезжались на разные озера и реки для рыболовства, поздней осенью собирались в зимний погост, где у них стояли вежи (утепленные шалаши) и у некоторых туши (срубные избушки). Мужчины зимой охотились на диких оленей, куниц, лис-

сиц, росомах, волков, белок, зайцев, медведей, горностаев, куропаток и тетеревов.

В середине XIX века в Нотозерском погосте проживало около 30 лопарских семей. При устье реки Нот стояла древняя часовня Воскресения Христова. Сюда два-три раза в год являлся кольский священник, проводил богослужение, крестил детей и отпевал умерших, совершал христианские обряды исповедования и причащения лопарей.

По решению консистории в Нотозерском погосте открывался отдельный церковный приход. Священный Синод отпустил на сооружение храма 1.788 рублей 41 копейку. Новому паствырю предстояло найти подрядчиков, заготовить все необходимое для строительства церкви и жилых зданий при ней. В условиях Лапландии это дело было трудным и хлопотным, растянулось почти на десятилетие. Здание деревянной церкви Богоявления Господня поставили в 1866 году. Она была крестообразной в основании, на каменном фундаменте, в одной связи с колокольней, с виду довольно благолепной. Рядом с нею срубили для священника дом с баней, амбар, погреб и помещение для скота. В 1870 году коляне Е. Лоушкин и А. Молвистой установили в церкви иконостас и завершили внутреннюю отделку храма.

Лопари отвели батюшке уютную семужью тонию под названием Верхний Пудас (близ туломского водопада) и сенокосные угодья по берегам реки.

Г. К. Терентьев стал заниматься в Нотозере сельским хозяйством: возделал землю, успешно выращивал картофель и овощи, держал молочный скот и овец.

Во время своего путешествия по Лапландии в 1873 году писатель Василий Иванович Немирович-Данченко побывал в Нотозере, беседовал с лопарями. В Коле, куда Г. К. Терентьев в 1871 году перевелся на службу в Благовещенскую церковь, он близко сошелся с отцом Георгием. Из его рассказов «о лопарском быте» писатель почерпнул очень ценные сведения об обычаях коренных жителей края. В известной книге «Страна холода» Немирович-Данченко, довольно негативно относившийся к русскому духовенству, так отозвался о кольском священнике: «Это симпатичная личность оставила во мне сильное впечатление». О хозяйственной деятельности отца Георгия путешественник сообщает следующее: «Посреди Лапландии он, а за ним и лопари, стали сеять картофель, репу и редьку. Урожай были хороши. Пробовали и капусту. Лист был хорош, но не завивался. Он с успехом даже акклиматизировал здесь жито... Решено и решено безусловно, что огородничество, а частью и хлебопашество в Лапландии возможны! В хорошие годы отец Георгий снимал картофеля сам-10, а жита — сам-4. Восемь стаканов снятого отсюда жита этот священник посылал в Архангельск, и оно оказалось хорошего качества. Земля здесь удобная для посева овощей... Но огородничество здесь не может существовать без скотоводства. Терентьев в Нотозере держал коров, этим объясняется успех его огоро-дов».

При Нотозерской церкви Г. К. Терентьев создал школу, в которой обучал лопарских мальчиков русской грамоте.

Убедившись в выгоде молочного скотоводства и возможности огородничества, он стал приохотывать лопарей к оседлой жизни. Своим примером отец Георгий убедил нескольких лопарей завести коров, построить избы, начать выращивать овощи близ своих семужьих топей. Однако большинство лопарей не захотели расставаться с традиционным образом жизни, воспрепятствовали надеждению в собственность земельных участков из общинных угодий пожилым перерити на оседлость. После отъезда Г. К. Терентьева, по словам Немировича-Данченко, его «полезное начинание погубило в самом зародыше».

На протяжении всей жизни Г. К. Терентьев решительно отстаивал интересы лопарей, защищал их от разных притеснителей. 26 февраля 1862 года он сообщает в Архангельскую палату Государственных имуществ о незаконных поборках с лопарей Вороньинского, Ловозерского и Семиостровского погостов «по 12 копеек с каждой души» якобы «на поминание» умершей царицы Александры Федоровны, затеянных писарем Лолицевым и старшиной Сорвановым.

Винновы понесли наказание.

Показательна борьба отца Георгия с кольским купцом Мартемьяном Андреевичем Базарным, который обирал нотозерцев и довел их «до крайней бедности». Это был ловкий и сильный хищник. В молодости, во времена откупной системы, М. А. Базарный служил кабацким поверенным в Поное — селении, имевшем большие доходы от добычи семги, тюленьего жира и кож морских зверей. Скопив на сплавании промышленников капитал, Базарный купил две мореходные шхуны, поселился в Коле, занялся скупкой семги и пушнины, еще больше разбогател, нещадно эксплуатировал трудовую массу, особенно лопарей. Он платил за них государственные подати, ссужал деньгами и товарами, за что брал семгу по 50 копеек за пуд, тогда как вольная цена ей в Коле равнялась 2 рублям, а в Архангельске — 6—8 рублям за пуд. Закабаленные Базарным лопари никогда не выходили из долгов и служили ему «своим трудом и зиму, и лето». У лопарей бывало даже своего рода заклинание или молитва: «Господи, избави оленей наших от волка, а нас, грешных, от Мартемьяна».

По настоянию Г. К. Терентьева в 1866 году окружной начальник Козьмин отменил кабальный договор Базарного с нотозерцами и распорядился впредь отдавать туломское угодье с торгов тому, кто даст наивысшую плату. Арендатором стал керетский крестьянин Савин, который, кроме уплаты податей за лопарей, выдавал за семгу по 1 рублю 70 копеек за пуд, в результате нотозерцы стали получать часть платы наличными на руки, чего прежде не бывало.

В 1867 году М. А. Базарный взял подряд на восстановление сожженной англичанами каменной церкви в Коле. Синод отпустил на это необходимые деньги. Однако недобросовестный купец выполнил работы кое-как. При подписании акта о приеме Благовещенской церкви Г. К. Терентьев указал на ряд недоделок, «понятыя, поняв всю нечистоту дела, оставили собрание». Купец вынужден был устранить все недоделки.

Нотозерские лопари сожалели об отъезде любимого священника. «Прежде, — говорили они Немировичу-Данченко, — у нас отец Георгий Терентьев был. Справедливый и хороший человек. Во всем нашей защитой и пристанищем был».

Поборник обучения лопарей

ПОСЛЕ перевода Г. К. Терентьева в Колу на смену ему в Нотозеро приехал большой священник. «Разбитый параличом», он, по свидетельству Немировича-Данченко, «не мог продолжать дело отца Георгия». Созданная им лопарская школа в Нотозере закрылась.

Г. К. Терентьев предложил открыть лопарское отделение в Кольском училище и содержать его на общественный счет. Окрестные лопари согласились оплачивать обучение своих детей. В 1871 году поступило в школу пять мальчиков: Антон Черный, Павел Дмитриев, Семен Голой, Осип Гаврилов и Харитон Яковлев, но последний вскоре заболел и возвратился к родителям. Начинание отца Георгия поддержал член-корреспондент Комитета грамотности К. А. Шабунин, который за свой счет обеспечил детей пособиями и школьными принадлежностями.

За 120 дней занятий в 1871 году дети «успели научиться читать белло, довольно порядочно по гражданской печати», а двое освоили и письмо.

Видя успехи учеников, лопарские общества охотно выделили из общественных сумм 480 рублей на содержание мальчиков и 20 рублей учителю Егору Соболеву «за его особые труды и деятельность по обучению грамоте лопарских мальчиков».

В марте 1872 года четверым школьникам-лопарям, по инициативе отца Георгия, заказали приличное обмундирование. Дьячок Кольского собора Иннокентий Ключарев сшил каждому пальто, суконные брюки, ситцевые рубашки и холщовые подштанники; школьникам обули в сапоги. Ребята ходили радостные, ободренные заботой. Их разместили в квартире у крестьянки Ульяны Жеребцовой, которая за плату, по пяти рублей в месяц за каждого, обеспечивала приличным питанием.

(Продолжение следует)